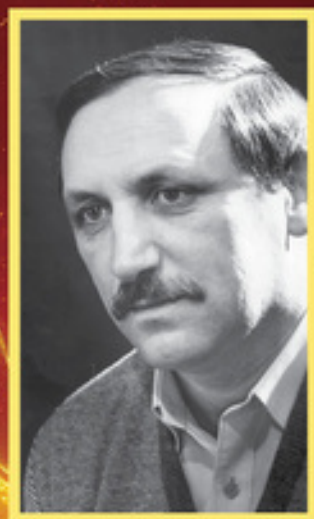

**ВАЛЕРИЙ
ХАТЮШИН**

**ПРО
ТУБЕ
РАН
ЦЫ**

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
И ВОСПОМИНАНИЯ
2005 — 2013**

Валерий Хатюшин

**Протуберанцы. Размышления
и воспоминания. 2005 – 2013**

«Алисторус»

2013

Хатюшин В. В.

Протуберанцы. Размышления и воспоминания. 2005 – 2013 /
В. В. Хатюшин — «Алисторус», 2013

Валерий Хатюшин – современный поэт, прозаик, критик, публицист, главный редактор журнала «Молодая гвардия» – в своих коротких размышлениях и воспоминаниях, вспыхивающих, как солнечные протуберанцы во время всеобщего мирового затмения, с необычайной остротой, откровенностью и смелостью раскрывает многие явления нашей действительности. Он, как всегда, полемичен, оригинален и чаще всего снайперски точен. Своим глубоким философски-поэтическим зрением он ярко освещает события, лица и заблуждения переживаемой нами эпохи.

© Хатюшин В. В., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

2005 г.	5
2006 г.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Хатюшин

Протуберанцы. Размышления и воспоминания

2005 г.

Оглядываясь на двадцать лет назад и с горечью думаю: что же случилось с нами? Как мы смогли потерять нашу великую Родину? Почему, отчего наш народ в большинстве своем безвольно и малодушно наблюдал за гибелью страны? Ответов на эти вопросы есть множество, но все они не способны оправдать свершившейся народной катастрофы и реального факта: обескровленная, вымирающая Россия поставлена на колени. Это не значит, что она погибла и что народ русский окончательно смирился перед мировым злом и сатанинской мощью Америки, но гекатомбы русских жертв, накрывших нас с головой, наполнили многие сердца страхом и безысходностью. Народ наш деморализован и духовно опустошен.

Мы не можем знать воли и целей Провидения. В земном мире все имеет закономерность и смысл. Собственно, мы и должны были встать на колени после семидесяти лет атеизма, чтобы осознать свои грехи, чтобы раньше других очиститься и, содрвав с глаз коммуно-демократическую пелену, воочию разглядеть истинных врагов – своих и всего человечества.

Нет, не все молчали в эти последние двадцать лет. Среди нас было немало тех, кто боролся за освобождение Родины от дорвавшихся до власти моральных уродов и их лживой демагогии. Нас было немало – тех, кто вышел на битву с врагами и предателями. И эта битва шла не на жизнь, а на смерть. Летопись той борьбы со многими подробностями, именами, историческими хитросплетениями изложена мною в книге «Черные годы», изданной в 2000 году. Может быть, эта книга кому-то в будущем поможет разглядеть и понять наше жуткое время, поможет увидеть то, что не все испуганно сидели сложа руки. Да, мы на сегодняшний день проиграли. Но если даже в поражении у народа были герои, ему есть чем оправдаться перед судом истории.

* * *

В конце 90-х годов прошлого века телевидение нам каждый день показывало русских рабов, сидящих на цепи в чеченских подвалах. Но население российское это почти не волновало, оно тут же переключало телящик на американский боевик, на футбол или на «Поле чудес». Всем казалось, что домашняя скорлупа уберезет от ненужных душевных переживаний. Но оказалось, что скорлупа эта – ничто перед силой гексогена. Равнодушие далеко не для всех оказалось спасительным...

* * *

Либеральная пресса из года в год обзывала баркашовцев, лимоновцев и скинхедов «русскими фашистами». Но, собственно, что фашистского они сделали? Зарезали кого, изнасиловали, довели до самоубийства, заморили голодом? Например, Чубайс, Гайдар и Кириенко каждый в отдельности всю страну нещадно ограбили и довели народ до вымирания. И ничего, никто из либералов фашистами их не называет.

* * *

И пятнадцать и десять лет назад многие русские газеты и журналы отказывались публиковать мои статьи из-за наличия в них так называемой «еврейской темы». «Ну что ты, старик!.. – говорил мне с дрожью в голосе какой-нибудь редактор. – Это у нас не пойдет... Нет... Это не для нас... Еще закроют...». Ну прямо как в старом советском анекдоте: сидят двое чукчей на берегу Ледовитого океана. Один говорит: «Хочешь расскажу антисоветский анекдот?» Другой отвечает: «Нет, что ты, еще сошлют куда-нибудь...»

Как ни смешно, вот это «еще сошлют...», «еще закроют...» до сих пор присуще большей части нынешней полуживой, полупридушенной, с позволения сказать, «русской» прессе.

* * *

Российское население, как это ни странно звучит, антинародно. (Я резко различаю эти два понятия: народ и население.) Оно всегда (скорее всего, из трусости) голосует за власть, какой бы эта власть ни была.

* * *

Все, чем владеет человек, на самом деле человеку не принадлежит. Человек смертен.

* * *

Если сам Христос – антисемит, то что же остается делать нам, грешным?..

* * *

Так называемым «диссидентам» в 70-е годы было намного легче, нежели теперь нам. У них была моральная и материальная поддержка Запада, радиоголоса, им было куда уезжать. У нас же нет ничего, нам неоткуда ждать помощи и негде скрываться.

* * *

Президент Всемирного еврейского конгресса Эдгар Брофман в своем выступлении в январе 1991 года в культурном центре «Уай» в Нью-Йорке сообщил, что «суть демократии не во власти большинства, а в защите евреев от большинства».

* * *

Русский народ приговорен к уничтожению. И весь мир с этим согласился.

* * *

Как сказано в Талмуде, никто, кроме еврея, не имеет права на частную собственность.

* * *

Истину нельзя получить со стороны, ее нужно найти внутри себя.

* * *

Над Москвой – в центре русской столицы – в 2001 году над синагогой поднята шестиконечная звезда. На этой церемонии присутствовал мэр Лужков. Данный факт означает, что отныне Москва официально стала еще одним форпостом сионизма. И не случайно здесь же, рядом со Старой площадью, была открыта еще одна еврейская «стена плача».

Простые русские люди, как это ни горько, не умеют понимать происходящее и не хотят задумываться о грядущем. В этом их слабость и в этом корень всех их бед.

* * *

Каждый день в России – жуткие катастрофы, диверсии, теракты, каждый день гибнут десятки, сотни, тысячи людей. Идет не просто война с Россией, идет прямое, откровенное уничтожение русского народа – под каждодневное, бесконечное веселье нерусских хохмачей на экранах телевизоров. Все больше веришь в то, что они – не люди.

* * *

Добродетель в страдании – источник гения и его первый признак.

* * *

Нас заставляют приспособиться к жизни во тьме.

* * *

Если раньше для всех народов национальной трагедией было поражение в войне, то теперь для большинства стран мира национальной трагедией становится проигрыш в игре под названием «футбол». Весь мир теперь заворуженно смотрит, как 22 высокооплачиваемых недоумка пытаются загнать мяч в сетку ворот. И на это тратятся баснословные деньги – на то, чтобы загнать мяч в сетку ворот... Вот во что выродилась идея Бога о человечестве.

* * *

Поэт кончается тогда, когда заглушает в себе совесть.

* * *

Истинная поэзия – это соединение искреннего чувства, глубокого сознания, мастерской формы и Бога в душе. Большинству стихотворцев всегда чего-то из перечисленного не хватает.

* * *

Огромное число людей, пишущих стихи, понятия не имеют о том, что такое поэзия.

* * *

Газета «Московский литератор» усилиями двух своих редакторов очень влюбилась в коммунистов. И это естественно. Не в русских же националистов ей влюбляться! Газета, словно опоздав на сто лет, анахронически заиклилась на красной идее. Трудно поверить в то, что данная «любовь» бескорыстна... И это после того, как российские коммунисты за последние 15 лет проиграли абсолютно *все* и абсолютно *езде* провалились.

О демократах тут говорить больше ничего не хочу. О них и мною, и другими тоже сказано *все* за те же последние 15 лет в сотнях статей и книг. В наше время среди демократов практически нет людей, сознающих себя русскими. И мы уже знаем, что внедряться в жизнь идея демократии всегда начинается с красной идеи.

Демократия – это власть демона, а вовсе не народа. То есть – власть дьявола. Как и демонстрация – это праздник демонов. Не случайно же первые демонстрации были приурочены к 1 мая – то есть к Вальпургиевой ночи, к торжеству бесов и ведьм. И не случайно красная идея называется красной. Основное условие внедрения ее в жизнь – кровопускание голям.

* * *

Сначала нас заманили в западню под названием «перестройка». Это была спланированная акция по разрушению страны. И нам вдруг объявили, что мы проиграли «холодную войну». Теперь же оказалось, что все мы находимся в плену, и нам грозит полное уничтожение. А как заманчиво нас дурил Горбачев!

* * *

«Свобода творчества» – это «творчество», освобожденное от Творца. За свободу ратуют лишь духи тьмы. Они хотели свободы от Бога, и они ее получили. Те из людей, которые все время кричат о свободе и неких «свободах», – это дети погибели, лишенные Святого Духа, а значит, имеющие темную душу. Достоевский называл их бесами.

* * *

Критик О. Дорогань обнаружил-таки нравственный вывод, сделанный Ю. Кузнецовым из пересказанного повествования Евангелия. Вот он: «Царство небесное каждому в меру дано. В каждом из нас пребывает незримо оно». Ну что ж, если заезженная банальность становится для кого-то глубоким «нравственным выводом», да к тому же «звучащим в историческом контексте», это в принципе тоже неплохо. Но только «вывод» этот так и останется банальностью, открываемой разве что первоклашкам православных школ. Стоило ли писать несколько поэм ради *такого* вывода.

* * *

До 1981 года мне никак не удавалось опубликовать свои стихи в московском альманахе «День поэзии». Теперь-то – ясно почему. Уже тогда огромное значение в привлечении авторов для этого престижного издания имела клановость.

Ежегодно во главе «Дня поэзии» ставился новый главный редактор и назначалась новая редколлегия, которая и занималась отбором стихов. И вот в 1981 году главным редактором этого альманаха стал Анатолий Передреев, поэт, которого я очень ценил, но с которым не был знаком лично.

В то время я посещал литературное объединение «Красная Пресня», где руководителем был В.В. Кожин, друг Передреева. Вадим Валерьянович надоумил меня позвонить от его имени домой Передрееву, договориться о встрече и подвезти ему свои стихи для альманаха. «И не забудьте захватить с собой бутылку портвейна, – предупредил Кожин и тут же пояснил: – Но только выставите вино лишь когда он при вас прочтет и отберет стихи для публикации».

Я так и сделал. Позвонил Передрееву, представился, назвал имя Кожина. «Приезжай», – недовольно буркнул он. Я купил портвейн и поехал в Текстильщики, где в то время жил Анатолий со своей женой-чеченкой Шемой и дочкой Леной. На мой звонок дверь открыла полноватая крашеная блондинка средних лет. Это и была его грозная супруга, как потом я узнаю, строго оберегавшая дом и мужа от поэтов-собутельников. Она подозрительно осмотрела меня, потом махнула рукой в сторону прикрытой двери передреевского кабинета. Я вошел в кабинет. В глубоком кресле сидел поэт, бросивший на меня колючий взгляд суженных глаз. Лицо его было темно-серым и помятым. Он принял из моих рук подборку стихов и указал глазами на другое кресло. Я присел. Читал он долго, как мне показалось, минут пятнадцать-двадцать. «Ну вот, отобрал пять стихотворений», – тяжело вздохнув, заключил он. В его тусклых глазах мелькнула слабая надежда. «Спасибо, – сказал я и неуверенно добавил: – Анатолий Константинович, я вот тут... принес кое-что, если вы не возражаете...» Глаза поэта оживились. Я достал из портфеля бутылку портвейна. Передреев широко улыбнулся, встал с кресла, в глазах его появился голубой блеск, и он, предварительно обозвав меня идиотом, шепотом произнес запомнившуюся мне навсегда фразу: «Так с этого же надо было начинать!»

С того дня мы подружились.

Конечно, отобранные стихи потом Передреевым были потеряны вместе со стихами других поэтов. И мне пришлось привозить ему новую подборку. Но все же в 1981 году три моих стихотворения увидели свет в уникальном передреевском «Дне поэзии».

* * *

Когда мы познакомились с Татьяной Глушковой, она ввела меня в круг своих друзей. Среди них подвизался ныне забытый поэт Лев Смирнов. Через некоторое время Татьяна пожаловалась мне, что ее донимают каждодневные провокационные телефонные звонки, действующие ей на нервы и мешающие работать. Причем звонящие упорно повторяли одни и те же фразы: «Это квартира Юнны Мориц?» или «Позовите Юнну Мориц». Сомнений не было, телефонные провокаторы точно знали, что Ю. Мориц была непримиримым идеологическим врагом Т. Глушковой.

Я посоветовал ей обратиться с заявлением в местное отделение милиции, что она и сделала. Вскоре ее пригласил для беседы начальник отделения милиции, который сообщил ей, что хулиганские телефонные звонки исходили из квартиры Льва Смирнова. Татьяна была крайне поражена. Л. Смирнова вызвали на Секретариат Московской писательской организации и пре-

дупредили его об исключении из Союза писателей, если это будет продолжаться. Хулиганские звонки прекратились.

А Лев Смирнов оказался скрытым евреем.

* * *

В 1983 году, когда мы встретились с Татьяной Глушковой, она жила на окраине Москвы, на улице Лавочкина, в районе метро «Водный стадион». Занимала она маленькую однокомнатную квартиру на самом верху блочной девятиэтажки. Летом крыша девятиэтажки накалялась от солнца, и в квартире стояла жуткая жара.

С помощью руководства Московской писательской организации Татьяна добилась получения ордера на другую квартиру – в писательском доме на Астраханской улице. Она была очень этому рада и готовилась к переезду. Но вышла серьезная заминка. Дело было в том, что квартира на Астраханской улице принадлежала поэту Владимиру Соколову, который, став лауреатом Госпремии, должен был переехать в еще более престижный номенклатурный дом в Лаврушинском переулке, в центре Москвы. А переезжать он туда не спешил, потому что со своей женой Марианной затеял там какой-то баснословный ремонт. Но в квартиру Глушковой должен был въехать другой писатель, вообще не имевший в Москве жилья и обитавший у знакомых. У него тоже был ордер на руках, и он звонил Татьяне через день с требованием освободить помещение.

Прошел месяц, второй, а В. Соколов все не переезжал. Точнее говоря, не переезжали взрослые еврейские дети Марианны от первого брака, которые и обитали в этой самой соколовской квартире на Астраханской улице. Сам же Соколов проживал в другой квартире, принадлежащей жене Марианне.

Татьяна оказалась между двух огней. С одного места ее гнали, а в другое не впускали. В конце концов терпение ее лопнуло, и мы с нею приехали домой к Соколову, пригласив с собой участкового инспектора. Только из-за присутствия участкового нам открыли дверь. Дальше прихожей нас не пустили. Милицонер попытался объяснить супругам, что по закону после получения ордера квартира должна быть освобождена в течение месяца. В. Соколов, насупившись, молчал. Но тут вперед выступила Марианна и, нецензурно выругавшись, заявила: «Как вы смеете нам указывать! Мы люди другого положения!» После чего воспрянул духом и сам Соколов: «А вы, – указал он на меня пальцем, – в Союз не вступите. Я вам обещаю». Он имел в виду мое вступление в Союз писателей СССР.

Татьяна ждала еще полмесяца. Наконец квартира Соколова была освобождена. Когда мы в нее вошли, то сразу увидели, что жить в ней нормальному человеку нельзя. Такой грязи, засаленности и насекомой живности я не встречал даже в тех общежитиях, через которые мне пришлось в своей жизни пройти. Полгода мы потратили на капитальный ремонт этой квартиры. Пришлось заменить в ней абсолютно все. Зато потом, когда к Татьяне приходили многочисленные гости, все они удивлялись: как это нам удалось сделать такую уютную, красивую писательскую квартиру из той загаженной, кишашей тараканами еврейской халупы?

После ремонта мы пригласили священника отца Валериана, и он эту квартиру освятил. Вскоре отец Валериан меня крестил в своей церкви в поселке Отрадное недалеко от Москвы. Это было необыкновенно солнечным, морозным январским утром 1985 года.

А В. Соколов, между прочим, свое слово сдержал. Пройдя Бюро поэтов и Приемную комиссию, я был срезан на Секретариате Московской писательской организации: известный поэт резко выступил против моего приема в Союз писателей. Владимир Цыбин, выйдя с заседания Секретариата, которое проходило в ЦДЛ, подошел ко мне и сказал: «Терпи. Это плата за связь с Глушковой». Пришлось ждать еще целый год, прежде чем по апелляции я был принят на Секретариате российского Союза, где председательствовал Юрий Бондарев.

К сожалению, квартира Татьяны Глушковой на Астраханской улице после ее смерти была кому-то продана.

* * *

У нас с Татьяной была своя тайна – озеро Белогуль. Мы с ней много путешествовали по России и Прибалтике, но такой сказочной природной красоты нигде не видели. Кого я ни спрашивал из своих знакомых, никто про это озеро даже не слышал.

Оно сияло под нами голубой гладью в глубокой впадине, окруженной древним сосновым лесом на Псковщине, в десяти километрах от Михайловского, в котором мы с Татьяной жили целых две недели ранней осенью 1985 года. Забыть это невозможно. Наверняка его видел Пушкин. Озеро Белогуль не раз упоминается в стихах Глушковой.

Мы обошли пешком все окрестности Михайловского, Тригорского, Петровского и Святых гор. Красота тех мест необыкновенна. Ее видели многие поэты. Но кто видел озеро Белогуль? Оно до сих пор стоит у меня перед глазами...

* * *

После опубликования в «Российском писателе» двух своих критических статей «Без Божества» и «Во имя Истины», посвященных творчеству поэта Юрия Кузнецова (еще при его жизни), я, с одной стороны, получил очень много солидарных, одобрительных откликов от самых разных писателей, но с другой стороны – встретил откровенную злобу отдельных литераторов, чуть ли не переходящую в ненависть. Они почему-то решили, что в русской критике все должны думать одинаково.

Каждый великий поэт в большой степени определяется лирикой. Но «лирика» Кузнецова – мало сказать, грубовата, холодновата и порой слишком вычурна и заумна, ей, по моему ощущению, не хватает традиционной исповедальности, глубокой простоты и проникновенности сердечного чувства. Этот поэт даже и в своей «лирике» стремился казаться «глобальным», словно переворачивал булыжники.

Многие обращали внимание на то, что стихи Кузнецова переполнены холодными головными сентенциями. Он зарифмовал уйму анекдотов, известных баек, легенд, вычитанных историй, пока наконец не добрался сначала до «Слова о Законе и Благодати» Иллариона, а потом – до Евангелия, которые тоже запечатлел в своем изложении. Наверное, он хотел испробовать в этом свои силы. Он искал, скорее всего, значительную тему, ему нужно было на что-то опереться, но в современной действительности такой содержательной опоры он не нашел. Поэтическая работа была проделана большая, но это был вторичный труд.

Ю. Кузнецов – *элитарный* поэт. В том смысле, что простому читателю он в основном непонятен. Его стихи чаще всего перегружены сложными символами, которые профессиональным критикам приходится всякий раз расшифровывать, интуитивно угадывать и доходчиво объяснять, чтобы стихи эти стали доступны неискушенному в литературе читателю. Кузнецов – это поэт для поэтов.

Элитарность и народность – извечная проблема литературы.

* * *

В.Бондаренко в который уж раз ни к селу ни к городу пытается хоть чем-то меня уязвить в печати после моих статей о последних поэмах Ю. Кузнецова. «Сколько бы В.Хатюшин ни ходил в церковь, он никогда не достигнет уровня Ю. Кузнецова», – опять повторил в своей

газете неугомонный критик. Вот только при чем тут церковь? Можно подумать, что посещение церкви для Бондаренко является чем-то неприемлемым. Как будто сам он ходит в синагогу...

* * *

«Рай» у Кузнецова не получился. И он сам это понимал, судя по его собственным высказываниям, записанным друзьями. Его *естественной* темой был «Ад». Тут он купался как в своей стихии и был очень доволен своим «Сошествием в ад». В этой поэме Кузнецов выложил весь. Свой «Ад» он и в д е л о всех подробностях, но «Рай» ему не открылся. Это понятно даже по тому отрывку, что напечатан в «Нашем современнике» (2004, №11). С этим он и ушел от нас.

* * *

В сентябре 1985 года мы с Т. Глушковой побывали в Пскове. Нас там обещал встретить критик Валентин Курбатов, однако не встретил. Мы поселились в гостинице. Татьяна несколько раз звонила Курбатову домой, но телефон не отвечал. И мы целую неделю были предоставлены в Пскове самим себе. Гуляли по городу, по набережной реки Псковы, осматривали псковский кремль, древние полуразрушенные крепости, монастыри и храмы, съездили в Псково-Печерскую лавру. Потом ранним утром сели на речную «Ракету» и по Чудскому озеру приплыли в Эстонию, в город Тарту (бывший Юрьев). Надо сказать, что прибалтийские республики еще в советское время для нас, россиян, были как заграница. Мы бродили по узким, малолюдным, экзотическим улочкам Старого Тарту, заходили в магазины, заваленные импортными товарами, в маленькие уютные кафе, все более ощущая себя в какой-то другой стране. По каменным ступеням мы спустились в глубокое подземелье бывшей крепости, где когда-то, в прошлые века, находился оружейный арсенал. Теперь там устроили еще одно кафе, вернее, бар, стены которого были выложены огромными голыми камнями, а над стойкой висело чучело совы с блестящими круглыми глазами и распахнутыми крыльями. Создавалась иллюзия, будто ты попал в Средние века.

Надо напомнить, что с середины 1985 года уже началась горбачевская «борьба с пьянством», и по всей стране в кафе запрещалось продавать крепкие спиртные напитки. Но Эстония жила по своим законам. Барменша без лишних слов приносила нам за столик водку с соком столько, сколько мы заказывали, и при этом мило улыбалась. Когда мы вечером вышли наверх, то с башни ратуши раздавался бой старинных часов. Мы возвращались на «Ракете» в Псков, и у нас обоих было такое ощущение, словно мы побывали в сказке. Уже в Москве я написал стихотворение «Обещание», которое начинается со слов:

Все, что есть, я поставлю на карту
и ничуть не раскаюсь потом, —
мы еще посетим в Старом Тарту
этот рай под свиным крылом...

Что же касается Валентина Курбатова, то не могу не сказать, что он просто испугался общения с Глушковой в своем родном городе, где в то время старался выглядеть в глазах местной интеллигенции таким либерал-патриотом. В восьмидесятые годы сионизированная печать уже в избытке нацепляла на Глушкову свои излюбленные ярлыки – «ретроградка», «мракобеска», «антисемитка» и т. п. Одно дело вести с Татьяной личную переписку, где можно казаться очень смелым, бескомпромиссным товарищем и единомышленником, и совсем другое дело – общаться с «антисемиткой» открыто, на виду у всеведущей еврейской «обществен-

ности»... Вот Курбатов и спрятался от нас, когда мы проездом на неделю остановились в Пскове.

* * *

Наша литература больна таким явлением, как бондаренковщина. Есть у нас литераторы, чаще всего критики, которые всеми силами пытаются соединить несоединимое: патриотов с демократами, либералов с националистами, русских с евреями. При всей бесперспективности осуществления такого желания они занимаются этим делом последние лет двадцать. Никакого примирения непримиримого и никакого соединения несоединимого, конечно же, не происходит, наоборот, с каждым годом только усиливается размежевание и все более обнажается моральная, духовная, идеологическая несовместимость нас, русских патриотов и националистов, с ними – с еврейскими либералами и демократами. И тем не менее то и дело в наш лагерь буквально насильно впахивают чужеродные элементы, имеющие весьма условное отношение к русской литературе.

Зачем это делается? Понять не так уж и трудно. Очень хочется подобным критикам, во-первых, прослыть такими миротворцами-конформистами, собирающими воедино и якобы обихаживающими широкое поле русской словесности. Поле, на котором, по их словам, есть место для всех цветов. А во-вторых, скорее всего эти критики-конформисты лелеют надежду отхватить себе каких-либо сладеньких плодов с другого, с либерального поля, куда нас, патриотов и националистов, на километр не подпускают.

Уж как тужится В.Бондаренко примирить нас с этой хитровой публикой, работающей на два фронта и снимающей урожай с двух литературных полей! Например, Лев Аннинский, один из идеологов либерально-интеллигентской тусовки, просто не сходит со страниц «Дня литературы». Тут и его же, Бондаренко, многословные статьи о «творчестве» Бродского, Рейна, Мориц, Шкляревского, бездарной Витухновской и т. п. Но можем ли мы доверять этим «данайцам», приносящим нам свои чаще всего отравные плоды, взращенные на чужом и чуждом нам псевдокультурном поле? Никогда они не станут нам родными, никогда они не будут нам друзьями. Корни и почва у нас с ними разные, и питаемся мы разными соками.

Критики эти (соединители несоединимого) в основном – полукровки в прямом смысле этого слова. И цель их – сделать нас тоже полукровками, но в смысле нравственном и духовном. Советский период нашей литературы показал: можно лишь какое-то время дурить всех интернациональной идеей «дружбы народов». Но при первом же серьезном кризисе (экономическом, политическом, национальном и т. д.) идея эта рассыпается в прах. Национальные чувства у любого народа и в любой культуре (если, конечно, у данного народа есть своя культура) рано или поздно берут свое, выступают на первый план. Любые искусственно создаваемые псевдокультурные химеры в конце концов откатываются на обочину культуры истинной. И никакой бондаренковщине при всей ее активности не удастся соединить несоединимое, никогда ей не превратить нас в духовных полукровок.

Тот, кто еще наивно надеется на наш союз с ними, с либеральными «данайцами», пусть спросит их об отношении к Сталину, к Шолохову или, например, к письму в Генпрокуратуру о запрещении деятельности еврейских религиозно-экстремистских организаций. Их ненависть не позволит им притвориться лояльными. Общего взгляда и общего чувства мы с ними не достигнем ни при каких условиях.

И вот еще что важно. Многие из того, о чем пишет Бондаренко, носит неискренний характер, делается ради саморекламы и самоутверждения. Он словно торопится сказать обо всем, отработать любую тему, чтобы не опередили другие. И потому неискренность его всегда читается между строк. Так, в одном месте он может пафосно говорить о Православии в беседе с митрополитом Иоанном (Снычевым), а в другом – высмеивать тех, кто ходит сегодня в цер-

ковь. В одном месте он может с придыханием говорить о Георгии Свиридове, а в другом – с не меньшим заискиванием беседовать с либеральным полукровкой Ю. Поляковым.

Вот эта всеядность, нахватанность, вот это торопливое многословие, идущее не от сердца, а от тщеславного желания застолбить тему, и заразило нашу литературу болезнью под названием бондаренковщина.

Как ни откроешь «День литературы», так тут же и наткнешься на очередную бондаренковскую нелепицу: «...после грубого отторжения Украины от России... не Хатюшин и не Валентин Сорокин, а Иосиф Бродский оказался единственным поэтом, который возмутился таким «мазепством» наших братьев по крови, и предвидел будущее...»

Конечно, заокеанское творчество *единственного* «провидца» Иосифа Бродского давно уже застит глаза неистовому «разоблачителю» перед морем русской поэзии. Но придется указать ему на серьезные неточности в его амбициозных и лживых утверждениях. Еще *до развала СССР*, 12 июля 1991 года, то есть до отторжения Украины от России и объявления ее «незалежности», мной было написано стихотворение «Волчий мир», в котором сказаны такие слова:

И гонит в шею русского грузин,
и предаёт Россию Украина...

В 1992 году это стихотворение было напечатано в моей книге «Русская кровь», кстати сказать, тогда же подаренной мною В.Бондаренко. Я уж не говорю о том, сколько раз тема предательства Украиной интересов России за последние 15 лет поднималась в моих статьях. И все равно, по убеждению этого кичливого демагога, среди поэтов только один Бродский «предвидел будущее»...

Что ж, ничего страшного и даже ничего странного нет в том, что В. Бондаренко не равнодушен к «еврейцу» Бродскому. Он имеет право на такую слабость. Но откуда в нем эта прямотаки клокочущая ненависть к другим, мыслящим иначе? Не понимает исписавшийся критик, что подобными выпадами против русских поэтов он компрометирует себя, а не других.

Пора бы ему понять наконец главное в своей жизни: никогда ему не быть художником, поэтом, писателем в истинном смысле этого слова. И пора бы осознать свое место в литературе – место обслуживающего персонала.

* * *

Не хочешь вертеться – умей жить.
Сколько бы волк ни смотрел в лес – его надо кормить.
Яблоня от яблока недалеко падает.

2006 г.

Россия в конце XX века оказалась сразу под тройным гнетом – американским, еврейским и кавказским. И грабят они нас снизу доверху, по всем трем направлениям. Такого не было в нашей истории никогда, и такого ига не знала ни одна страна. Сделано это, конечно, сознательно, чтобы мы уже никогда не смогли вырваться из такой вот тройной оккупации. Борясь одновременно с каждым этим засильем, мы распыляем свои силы и потому никак не можем освободиться, выпутаться сразу из нескольких сетей, словно самим дьяволом наброшенных на наши головы. Но выпутываться придется – иначе погибнем.

Но надо действовать, а не ждать и надеяться, что это сделает кто-то другой. Мы допустили тройную оккупацию России, нам и выпутываться из нее. Если будем бояться – нас сожрут. Но если будем смело и открыто говорить правду, то в конце концов сумеем разогнуть спину и сбросить эти тяжелые сети, повязавшие нас по рукам и ногам.

Никто не сможет жить вечно на земле. Все умрем. Так неужели кому-то приятнее и легче жить во лжи и трусости?

* * *

Для понимания того, что хорошо и что плохо, существует простая формула: то, что связано с Богом, – положительно, и все то, что с Богом не связано, – отрицательно.

Но как понять, *что* связано с Богом и *что* не связано?

Опять же очень просто: с Богом связано все то, что поддерживается *православной церковью*. Мне могут возразить: современная Православная Церковь в лице ее патриарха даже Ельцина поддерживала... И на это тоже имеется ответ: нужно различать Православную Церковь как организацию, состоящую из разных, в том числе из случайных и грешных людей, и Православную Церковь как организм, как истинную веру, как мистическое Тело Христа, исполненное Святого Духа, – эта Церковь неизменна, и ее святые отцы дали ответы на все вопросы человеческой жизни.

* * *

Мифический или литературный персонаж никогда не способен стать основателем всемирной религии, каковой является христианство. Таковым мог быть *только* человек реальный, наделенный к тому же Божественной природой. Будду и Магомета абсолютно все признают историческими личностями, а вот Христу в этом многие критики христианства отказывают. За последние две тысячи лет в мире жили миллиарды людей, веривших в реально существовавшего на земле Христа. Значит, как считают эти «критики», миллиарды были идиотами (и среди них – сотни гениев), а вот несколько десятков атеистов-«критиков» – единственно нормальными...

* * *

Обо всем том, что в 1998 году А. Солженицын сказал в своей книге «Россия в обвале», я писал в «Молодой гвардии» и за пять, и за десять лет до ее выхода. Но почти вся так называемая «русская критика» относилась к моим публикациям с холодным равнодушием. А вот после выхода этой лицемерной книги Солженицына В.Бондаренко захлебывался от восторга по поводу опубликованных в ней «потрясающих откровений». Более того, этот «русский критик»

и теперь называет бывшего литературного диссидента (кем бы вы думали?) «лидером русского национализма»! Не насмешка ли это над всеми нами?

Но что же «русский националист» Солженицын поведал нам такого, о чем бы истинные патриоты России не кричали бы криком в последние пятнадцать лет?

* * *

В советское время являлось непререкаемым мнение о гениальном уме и образованности Ленина. Однако уже тогда, в советское время, я был потрясен невежеством этого человека, когда читал его письма в Полном собрании сочинений. Например, это:

«Говорят, Жук (убитый) делал сахар из опилок? Правда это? Если правда, надо обязательно найти его помощников, дабы продолжить дело. Важность гигантская. Привет, Ленин» (т. 51, с. 74).

А вот его признание в другом письме – от 18 января 1920 (!) года:

«Тов. Луначарский!

Недавно мне пришлось – к сожалению и к стыду моему, впервые, – ознакомиться с знаменитым словарем Даля...

Ваш *Ленин*».

* * *

Неизвестно откуда взявшееся Московское бюро по правам человека (МБПЧ), возглавляемое неким А.Бродом, вновь направило в Генеральную прокуратуру заявление с требованием возбудить против меня уголовное дело по двум статьям УК – за разжигание межнациональной розни и за экстремизм. На этот раз за книгу стихов «Прицел». Ранее аналогичное заявление было направлено в Генпрокуратуру от еще одной подобной организации «Евреи – ветераны войны» из-за статьи в «Молодой гвардии».

Это стало преступлением – быть русским писателем и русским патриотом. В России невозможно без уголовных последствий быть по-настоящему русским поэтом. Евреи имеют какое-то «Бюро по правам человека», а у русских нет ничего, чтобы защититься от них. И ведь радоваться этому «делу», если его на меня заведут, будут не только все евреи, но и большая часть «русской» пишущей братии – из-за своей трусости и своего ничтожества. И аргумент у них будет вполне убедительный: «А пусть не высовывается и не кукарекает!..»

* * *

Как-то в Союзе писателей России была презентация моей книги «Собрание стихотворений». Поэтический вечер прошел довольно тепло, дружески, все, кто выступал, говорили добрые слова. Потом был хороший фуршет, все, кто пришел, поздравляли, радовались, пели под гитару.

Но что интересно: почти все рабочие секретари Союза писателей – Ляпин, Сергованцев, Г. Иванов, Лопусов, Дорошенко и другие работники аппарата до начала моего творческого вечера сбежали с работы (вечер начался в 17.00), хотя накануне они мне обещали прийти и выступить. Конечно, побоялись светиться. Как же – у Хатюшина репутация «антисемита»... Ну и, скорее всего, Баранова-Гонченко с Бондаренко тоже с ними поработали...

* * *

В Орле прошел съезд Союза писателей России. В число делегатов меня, естественно, не включили. Сопредседатели В.Н. Ганичева, занимавшиеся организацией съезда (на словах – друзья), на деле оказались (в который уж раз!) трусоватыми. Но прочитал я после съезда доклад Ганичева – и все стало ясно. Журнал «Молодая гвардия» в этом докладе ни в каком виде не упомянут ни разу. Более того, не назван ни один автор нашего журнала. И это несмотря на то, что Ганичев входит в редколлегию «МГ».

* * *

О поэзии в наше время чаще всего и больше всего на страницах печати говорят люди, которым вообще не дано понимать и чувствовать поэзию.

* * *

Хватит нам употреблять в статьях это выражение – «красный террор». Этот людоедский период в истории нашего государства нужно называть точно и ясно: террор еврейской власти в России, которая, кстати, не щадила никого – ни чужих, ни своих. Но чужих (неевреев), – конечно же, в гораздо большей степени.

* * *

Если евреи неожиданно поднимают истерику и мировой гвалт, это значит, что кто-то где-то сказал про них правду.

* * *

«Их должно резать или стричь» – сказал великий поэт. Нас уже давно и режут, и стригут. Пока болельщики «Спартака» и «Локомотива» орут на стадионах, пока женская и пенсионная часть страны сидит у телевизора, пока молодежь сатанеет на рок-концертах и ширяется в подъездах, двуногих баранов каждый день режут и стригут по закону и букве Талмуда.

* * *

Чтобы спастись, мы, конечно, можем надеяться на чудо. Но чудо происходит тогда, когда народ его заслуживает. Заслуживают ли спасения подписчики «Московского комсомольца»?

* * *

Иудеи вместо Иисуса Христа выбрали себе смутьяна и убийцу Варавву и на все времена стали племенем разбойников.

* * *

Русский национализм в России в широком смысле невозможен. Чтобы понять это, достаточно сопоставить два таких факта: подписной тираж журнала «Молодая гвардия» – 2000 экземпляров, а «Московского комсомольца» – два миллиона. Причем два миллиона безмозглых баранов даже не понимают, что читают и финансируют русофобскую газету.

Какие-то малочисленные организации или отдельные националисты есть и будут в России, но не более того. Российский обыватель воспитан в духе атеизма и интернационализма, к тому же он патологически труслив.

* * *

Два года назад я отредактировал, достал денег и сам издал книгу Николая Кузьмина «Возмездие». Затем – отредактировал книгу Михаила Антонова «Капитализму в России не бывать» и нашел для нее издателя. Она вышла в мае 2005 г. После этого я отредактировал книгу Сергея Родина «Отрекаясь от русского имени (Украинская химера)» и тоже нашел ей издателя. Она вышла в ноябре 2005 г. Все это я делал в ущерб своему времени, своим силам и своему творчеству. Сейчас я вновь редактирую и готовлю к изданию новую книгу М. Антонова «От капитализма к тоталитаризму»¹. Все эти книги крайне важны для формирования на просторах нашей разорванной на части страны русской идеологии. Украина, Казахстан и Белоруссия – это исторические земли Великой России. И они рано или поздно вновь вольются в нее. Но для этого мы обязаны создавать в сознании общества идеологическую, идейную базу, чтобы восстановить историческую справедливость в реальности. Для этого я уже много лет пишу свою публицистику, издаю ее отдельными книгами и работаю в журнале. Для этого я трачу время и силы на редактирование и издание нужных книг других авторов.

* * *

Во время своих турне по Европе Путин то на немецком речь произносит, то на английском. Хочет всему миру показать, какой он образованный, не понимая, что все это – элементарное мальчишество.

* * *

Я долгое время был близко знаком с двумя крупными русскими мыслителями – с Вадимом Кожиновым и Аполлоном Кузьминым. При жизни оба они относились друг к другу крайне негативно, стояли на разных позициях во взглядах на русскую историю и нередко полемизировали друг с другом в печати. Но что интересно: они оба восторженно любили поэзию Николая Рубцова, играли на гитаре и пели романсы на его стихи...

Я думаю, на том свете Рубцов их примирил.

¹ Книга вышла в свет в 2007 году.

* * *

В 2002 году над Германией был сбит наш пассажирский самолет, в котором летели 79 человек. Сорок пять из них были дети. Наш самолет был именно сбит, судя по всему, с помощью американского беспилотного самолета, управляемого с земли. Родственники погибших получили компенсацию – американскими зелеными бумажками, которыми заменили наших детей.

В 2001 году такие же беспилотные, управляемые с земли самолеты врезались в две башни на Манхэттене и в пустующую часть здания Пентагона (по последним данным, в Пентагон вошла американская незаряженная крылатая ракета). После чего американцы, развязав пропагандистский «антитеррористический» гвалт, вторглись в Афганистан и в Ирак. Этот вывод о беспилотных самолетах вытекает сам собой из сопоставления всех известных фактов и свидетельств, касающихся рухнувших нью-йоркских небоскребов и незначительных разрушений в Пентагоне.

Американский фашизм – самый изощренный и самый мерзкий на земле.

* * *

4 декабря 2005 года я был наблюдателем на одном из участков Преображенского округа г. Москвы по выборам в Мосгордуму и довыборам в Госдуму – именно там, где избирался полковник Владимир Квачков, обвиняемый, как известно, в покушении на Чубайса. И вот что интересно: на всех избирательных участках этого округа, где происходили довыборы в Госдуму, были установлены электронные урны, то есть подсчет голосов здесь производился электронным способом. Но при этом перепроверки итогов голосования ручным способом не предполагалось.

Две соединенные между собой урны, в которые опускались бюллетени, являли собой единый компьютер – системный блок. Но не трудно догадаться: если был системный блок, значит где-то за стенкой, в каком-то кабинете *имелся монитор*, за которым сидел оператор, наблюдавший за ходом голосования. И данные этого голосования были у него перед глазами – *заранее, до окончания выборов.*

Общая цифра проголосовавших высвечивалась на электронных урнах, создавая у обывателя впечатление честности и объективности выборов. Итог же голосования был выведен с помощью принтера, подключенного к этим электронным урнам. Когда же я получил на руки протокол, то обнаружил еще одну интересную вещь. Действительно, общее число проголосовавших соответствовало той цифре, что светилась на урнах. Кандидат от «Единой России» Шаврин, согласно протоколу, получил 415 голосов, а находящийся в заключении полковник Квачков – 379. То есть разница была в 36 голосов. Но в графе недействительных (т. е. бракованных) бюллетеней стояла цифра 70. И тут можно легко уразуметь, что оператор, сидящий где-то за стенкой и видящий то, что Квачков опережает Шаврина, допустим, на десять голосов, производит определенную манипуляцию на клавиатуре, отнимая у Квачкова 46 голосов и переводя их в графу недействительных бюллетеней. Но узнать это невозможно, потому что ручного подсчета после окончания выборов в этом случае *не предусматривается*. То есть власть заранее обезопасила себя от уличения в этом обмане. И подобные манипуляции могли прodelьваться (и, не сомневаюсь, прodelьвались) на каждом избирательном участке, где происходило электронное голосование.

Конечно, теперь это уже невозможно доказать. Бюллетени, по российским законам, сразу же уничтожаются. Но все мы должны знать и понимать: *электронное голосование – это стопроцентная возможность изменять итоги выборов в нужную для власти сторону.*

Вот так нынешняя власть внаглую дурит доверчивых российских обывателей, которые, со своей стороны, и сами рады обманываться.

* * *

Нам суждено было стать свидетелями того, о чем мечтали завоеватели всех прошлых времен: одно государство установило господство над всем миром. Земной шар завоеван Америкой. И достигла она этого с помощью жестокости, коварства, подлости и лжи. Причем в большей степени – с помощью лжи. Мы пережили тотальную агрессию вранья. И сейчас весь мир находится под оккупацией лжи. Для Америки ложь – это смысл существования.

* * *

Американские скоты убили Слободана Милошевича. Ничего не сумев доказать в т. н. «Гаагском трибунале», они, развязавшие гражданскую войну в Югославии, испугались его твердости, честности и правоты. Опасаясь новых разоблачений, «общечеловеки» его отравили. Но герои своего народа останутся героями. А скоты так и пребудут в истории скотами. Да и сербы тоже хороши. Сначала добились отставки Милошевича с поста президента, а потом сдали его американо-европейским фашистам, бомбившим их страну. Это темное пятно еще долго не смоется с совести большинства сербов.

* * *

Эстрада – это низший жанр искусства, к тому же не стремящийся к духовному развитию и давно уже находящийся в руках еврейской эстрадной мафии, которая имеет от нее огромные доходы.

Эстрада существует и паразитирует на неразвитости публики, и ей не нужно да и не выгодно, чтобы публика совершенствовалась в понимании искусства. Она работает на потребу толпы, ей необходимо безмысленное, мгновенное, сиюминутное восприятие этой толпой. Эстрада имеет лишь косвенное, опосредованное отношение к культуре, лишь редкие единицы вырвались из нее, не захваченные еврейской мафией, войдя в русскую культуру. Например, певцы Козин, Русланова, Шульженко.

Теперь эстрада стала просто шоу-бизнесом, безголосые «певцы» орут под фонограмму, а голоса им делает компьютер.

Во время нашей нескончаемой трагедии по всем каналам ТВ эти эстрадники ржут до упаду, круглосуточно хохочут, смешат публику. Как же, у них – праздник...

Высоцкий – это тоже атрибут эстрады. Многие свои песни он делал на заказ – для фильмов и театра.

Не случайно эта россиянская власть ставит Высоцкому памятники – он ей нужен. Не случайно все «либералы» от него без ума. И в наши дни он был бы с ними, а не с нами.

* * *

Так называемые «секретари» Московской городской организации Союза писателей России, пользуясь служебным положением, превратили свою «мосписовскую» лавочку в личную кормушку – без всякого стеснения все последние годы распределяют между собой стипендии, премии, награды, новые должности и т. д. Причем крайне узок круг этих членов Правления МГО, пользующихся благами своего служебного положения. Как ни откроешь их «многоти-

ражку» – среди награжденных и благодетельствованных увидишь одни и те же фамилии, что вызывает у писателей уже не удивление, а смех. И почти на каждой странице как «Московского литератора», так и «Московии литературной» – вальяжные, самодовольные физиономии Котюкова, Замшева, Голубничего, Бояринова... Но за какие заслуги? Что они создали в литературе значительного? Ровным счетом ничего. Когда-то кое-кто из них подавал творческие надежды, которые из-за приспособленчества, тяги к наживе и карьеризму так и остались нереализованными.

Владимир Гусев, руководитель этой «черты оседлости», превратил свою организацию в какую-то странную «закрытую» контору, озабоченную исключительно добыванием доходов для самих себя. И даже новых членов СП эта контора штампует, как копировальный станок, с той же целью: ради увеличения доходности организации. Но вот московским писателям от этой самоцельной доходности, как говорится, ни холодно, ни жарко. Членские взносы увеличили в несколько раз, а бесплатные книжечки в 100 экз. издавать им отказались. Чем-то это все напоминает российский Стабфонд, спрятанный от населения в американских банках...

Так и не став серьезным писателем, В. Гусев решил, видимо, удовлетворить свое самолюбие в качестве писательского «руководителя». И теперь по этой причине любую критику в свой адрес воспринимает как личное оскорбление, доведенное в алкогольном возбуждении до вселенского значения, и готов безбожно мстить за это, сводя счеты по «закону», точнее, *по понятиям* известной братвы.

Рыночные аферисты, дорвавшиеся до власти в России, толкнули писателей на путь нетворческого обогащения, на путь личной выгоды любыми средствами. И многие на этом поприще переродились нравственно, скурвились, превратились в дельцов, забыли о своем прежнем предназначении, решили, что нужно теперь хапать и рвать везде, где возможно. И литература как таковая в своей второстепенности и даже ненужности стала для них лишь приложением к теплomu месту и бесчисленным премиям, даваемым непонятно за что.

Все знают, что В. Гусев давным-давно загубил журнал «Московский вестник», в котором просто нечего читать. Все знают об этом и молчат, боятся гусевской мести, надеясь в душе на какую-то его мелкую подачку. Журнал этот нужно создавать заново, с другими людьми, чтобы он отвечал современным требованиям русской жизни и русской литературы. И руководитель МГО нам тоже нужен другой – смелый, честный, всеми уважаемый, трезвый русский писатель, способный работать на этом месте не по совместительству, а всерьез – ради русской словесности и в интересах всех московских писателей, а не ради обогащения своего узкого клана.

* * *

История с т. н. «Домом Ростовых» (комплексом зданий бывшего Союза писателей СССР на Поварской улице Москвы) не настолько, мягко говоря, однозначна и понятна, как кажется многим московским писателям. Пора бы всем осознать – драка шла за обладание зданиями в центре Москвы, деньгами, должностями, валютой за аренду, приносимую в конвертах, и т. д., и т. п. А все «благовидные» заявления о «спасении писательской собственности» были лишь циничным прикрытием корыстных целей гусевско-бояриновского клана и лапшой на уши для легковой писательской братии. Что-то мы не слышали никаких возмущенных заявлений со стороны Правления МГО во время продажи подмосковных Домов творчества «Малеевка» и «Голицыно». Может, эти Дома не были писательской собственностью?

* * *

В.Новодворская – это физическое и «нравственное» выражение всего российского жидовства.

* * *

Абсурд и бред нашего времени: фашистское государство Израиль, уже более полувека осуществляющее холокост палестинского народа, существует за счет контрибуции, получаемой от Германии за некий мифический еврейский «холокост», якобы имевший место 65 лет тому назад.

* * *

8 июля 2006 года в окончательном чтении Госдумой утверждены новые поправки к «закону об экстремизме», расширяющие и ужесточающие его применение. Это и есть начало очередного «либерального» террора по отношению к русским патриотам. Теперь уголовные дела против нас пойдут косяком.

* * *

Человечество еще всерьез не задумалось о том, что впало в новое всемирное помешательство, причем языческое помешательство – футбол, а если говорить шире – в большой спорт. Но футбол стал для миллиардов людей в полном смысле новой языческой религией со своими идолами и божествами. И самую главную, а потому зловещую, антихристианскую роль в прославлении этих идолов играет телевидение.

* * *

В моем поколении, по большому счету, очень мало глубоких, мыслящих, сильно переживающих поэтов. Вокруг себя я таких почти не вижу. Есть, конечно, поэты неплохие, но в основном какие-то одномерные: или пассивные, или осторожные, или прямолинейно-однобокие, или бесстрастные, или исключительно пейзажные. Нет или, точнее, крайне мало поэтов, широких по взгляду на жизнь, всеохватных, умеющих быть в стихах и тонкими, и грустными, и, когда надо, – хлесткими, резкими, страстными, даже яростными. По преимуществу, в творчестве многих присутствует некая однообразность, быстро надоедающая и к тому же неинтересная интонационно.

Даже в недавние советские времена были поэты широкого спектра творчества – Тряпкин, Передреев, Примеров, Цыбин, Глушкова, Куняев. Сейчас среди 40—50-летних таких просто нет. Из стихотворцев моего поколения я не вижу вокруг себя никого, кто создал бы интересные вещи одновременно и в любовной, и в философской, и в гражданской лирике, кто из них был бы способен написать глубокую или хотя бы оригинальную критическую или публицистическую статью. Нет их, как это ни грустно. Ну, разве что Ст. Золотцев. Но и его стихи не отличаются разнообразием лирических оттенков, мыслей и настроений. Поэтическое дыхание его стихов однообразно и холодновато.

* * *

Если в советское время была цензура, то теперь – репрессии. Если тогда запрещено было ругать советскую власть, то ныне – евреев.

* * *

Из всей т. н. «советской литературы» выжила и осталась во времени именно та, которая не служила коммунистической власти и была независимой в точном смысле этого слова. Кстати сказать, еврейско-диссидентствующие авторы были как раз более всего зависимы и от ком. власти, и от западных покровителей.

Мне могут возразить: а как же быть с Шолоховым? Отвечу: именно он своим творчеством как раз и власти не служил, и не был ни от кого зависим. Наоборот, власть, послесталинская, заискивала перед ним и опасалась его жесткого мнения.

* * *

Русский народ попал в ловушку, из которой нет выхода помимо всеобщего восстания.

* * *

За отступничество Бог наказывает гораздо сильнее тех, на кого Он надеется, нежели тех, от кого Он отвел Свой взгляд.

* * *

В марте 1921 года Сергей Есенин начал работу над драматическим произведением «Пугачев», которая была закончена им в августе того же года. Причем это было произведение о *поражении* пугачевского бунта. Но интересно в связи с этим вспомнить о тех трагических событиях, которые произошли в стране как раз к моменту начала данной поэтической работы. Именно в марте 1921 года было окончательно разгромлено войсками Тухачевского восстание крестьян Тамбовской и Воронежской губерний – так называемый «Антоновский мятеж». Случайно ли такое совпадение? И не это ли *поражение* крестьянского восстания толкнуло С.Есенина к написанию драмы «Пугачев»?

Известно, что Есенин очень сильно переживал гибель «Руси уходящей», ведь он был крестьянский сын, сын деревни, вынужденный приспособиваться к порядкам новой власти. Писать о реальной трагедии народного восстания он не мог – расстреляли бы без снисхождения, как расстреляли в том же году Н.Гумилева. И потому, возможно, Есенин обратился к истории разгрома Пугачева, чтобы через нее исторгнуть из души весь свой плач по гибнущей крестьянской Руси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.